

С. П. Перегудов

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, национализм, экстремизм, сепаратизм, диаспора

Как известно, национальные отношения и национализм, в каких бы формах они ни проявлялись, были и остаются важнейшей составляющей политического процесса, порой серьезно осложняющей общественно-политическую ситуацию в той или иной стране. Нет нужды подчеркивать, что в первую очередь это касается многонациональных и поликонфессиональных государств, к каковым, как известно, относится и Россия. Наряду с обычными для современных западных стран проблемами иммиграции и мультикультурализма (которые в данной статье практически не затрагиваются), подобные государства сплошь и рядом сталкиваются не просто с обострением межконфессиональных и межэтнических отношений, но и с угрозами куда более высокого порядка, начиная с сепаратистских устремлений и кончая распадом самого государства (как это произошло в 1991 г. с СССР).

Для постсоветской России главной проблемой в этом плане является национализм, который условно можно подразделить на «русский» и «нерусский» (или даже «антирусский»). Причем и тот и другой носят внутренне противоречивый характер, что, с одной стороны, снижает порождаемые ими риски, а с другой — делает их конкретные проявления исключительно трудно прогнозируемыми и зачастую непредсказуемыми.

**«Россия
для русских»,
«Москва
для москвичей»**

Если говорить о видимых, непосредственных проявлениях русского национализма, то это в первую очередь становящиеся все более многолюдными «Русские марши», приуроченные к Дню народного единства 4 ноября и проходящие во все большем числе русских городов. Как правило, они не сопровождаются насилием (если не считать нецензурной брани, мелких стычек, оскорблений и аналогичных выражений «русскости»). Наиболее адекватно суть настроений и устремлений их участников отражают лозунги «Россия для русских», «Москва для москвичей» и т.п. Последний из этих маршей, проведенный 4 ноября 2011 г., только в Москве собрал, по разным оценкам, от 7 до 20 тыс. человек. Марши, хотя и менее многолюдные, в тот же день прошли в Санкт-

Петербурге, Новосибирске, Волгограде, Екатеринбурге, Иркутске, Краснодаре, Ставрополе и ряде других городов. Свой «Русский марш», но без националистических лозунгов, провели и прокремлевские молодежные организации.

Экстремистская ипостась национализма наиболее ярко проявилась в ходе событий 11 декабря 2010 г. на Манежной площади. Вскоре после этого правоохранными органами были предотвращены акции, планировавшиеся и русскими националистами, и так называемыми «кавказцами» (15 декабря 2010 г. возле торгового центра «Европейский» было задержано около 800 человек). Несмотря на отдельные стычки и столкновения (по большей части между русскими националистами и «кавказцами»), обстановка в стране в целом остается спокойной, однако это спокойствие никак не говорит о нормализации ситуации и о случайности всплесков группового экстремизма. Наглядное свидетельство тому — активизация экстремистских националистических организаций. Среди них запрещенные ныне Славянский союз и Движение против нелегальной иммиграции, воссозданная на основе распущенного Славянского союза «Славянская сила» и некоторые другие группировки, преимущественно молодежные. Если верить сообщениям СМИ, была и попытка создать из числа отставных военных организацию «Народный фронт освобождения России». Ее инициаторы тесно связаны с «Народным ополчением Минина и Пожарского», члены которого принимали активное участие в беспорядках на Манежной площади¹.

¹ *Независимая газета. 27.12.2010.*

Запретив ДПНИ и Славянский союз и ужесточив меры по противодействию политическому экстремизму, власти добились «ухода в тень» сторонников этих и близких к ним по духу националистических организаций. Однако это отступление, скорее всего, чисто временное, и в том или ином виде подпольно или легально организованный русский национализм будет себя проявлять. О том, что его адепты вовсе не намерены сидеть сложа руки, свидетельствует образование националистического движения «Русские», куда помимо запрещенных ДПНИ и Славянского союза вошли Союз русского народа, Русское имперское движение и целый ряд других объединений².

² *Садовская 2011.*

Примечательно, что среди множества комментариев на заявление бывшего лидера Славянского союза Дмитрия Демушкина о намерении создать коалицию националистических организаций нет практически ни одного, где бы осуждалась эта инициатива. Зато есть масса замечаний типа: «Сейчас русские разобщены стараниями власти и пропаганды и им запрещено собираться больше трех. А то, что черные гости каждый день грабят, убивают, насилуют, — это никто не выпячивает». Или: «Власть смертельно боится сплоченной по национальному признаку организации. Так на современном языке называется народное ополчение, войско, которое всегда собиралось на Руси в годы опасности для отпора врагу. И всегда врага уничтожало под корень». Или: «Наконец-то русские проснулись — двумя руками — за!!!». Или: «Давно пора свои родные русские диаспоры создавать по городам».

Приведенные выше суждения прекрасно иллюстрируют настроения, питающие русский экстремистский национализм, и те «сверхзадачи», которые он перед собой ставит. Но, может быть, речь идет лишь о кучке отщепенцев, не представляющих никого кроме себя?

Ответ на этот вопрос, и ответ недвусмысленный, дают опросы общественного мнения, проводимые такими авторитетными организациями, как ФОМ, ВЦИОМ и Левада-Центр. По данным последнего, опубликованном 4 февраля 2011 г., если в 1998 г. лозунг «Россия для русских» поддерживали 43% респондентов, то в 2010 г. — 54%, а в начале 2011 г. — 58%. При этом 13, 19 и 15% соответственно солидаризовались с ним «полностью», в то время как 30, 35 и 43% разделяли его в «разумных пределах»³.

³ <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>.

Весьма показательна также динамика ответов на вопрос: «Возможны ли сейчас массовые кровопролитные столкновения на национальной почве?». В 2002 г. ответ «определенно да» дали 12% опрошенных, и 37% выбрали вариант «скорее да». В 2009 г. эти цифры снизились до 3 и 20% соответственно, но уже в январе 2011 г. подскочили до 15 и 41%, причем 30% респондентов допускали возможность таких столкновений в своем родном городе или поселке⁴.

⁴ Там же.

Согласно опросам ВЦИОМ, еще до событий на Манежной площади 51% москвичей считал межнациональные отношения в городе «напряженными, плохими и даже конфликтными»⁵.

⁵ Федоров 2010.

Красноречивы и полученные ФОМ ответы на вопрос: «Сталкивались ли вы с ситуациями, при которых у вас возникало желание принять участие в акциях протеста?». В 2009—2010 гг. с подобными ситуациями сталкивались, и часто, от 13 до 23% респондентов⁶. Опросы Левада-Центра дают более скромный результат, но и он составляет двузначное число (11%)⁷.

⁶ <http://bd.fom.ru/map/dominant/> (опросы 2009—2010 гг.).

⁷ <http://www.levada.ru/archive/otsenki-sotsialnykh-problem-i-zanyatosti/esli-1-maya-v-vashem-gorode-ustraivalis-massovye--0>.

Не исключено, что при ответе на вопрос о «кровопролитных столкновениях» немалую роль играл страх перед возникновением таковых. Однако ввиду усиливающейся напряженности в межэтнических отношениях, фиксируемой практически всеми опросами, а также роста националистических настроений есть все основания отнести к этим опасениям со всей серьезностью.

В тех же опросах можно найти ответ, хотя и далеко не исчерпывающий, на вопрос о причинах роста националистических настроений, которыми в той или иной степени оказалось охвачено не менее половины тех, кто считает себя русскими.

Согласно уже упоминавшимся исследованиям ВЦИОМ, спектр факторов, порождающих «раздражение» по отношению к «инородцам», довольно широк. Это и угроза терроризма (13%), и конкуренция на рынке труда (от 4 до 9%), и поведение «приезжих», в том числе их нежелание учить русский язык, и многое другое. Характерно, однако, что 47% опрошенных не смогли назвать конкретных причин своей неприязни к членам новых диаспор⁸. В данном случае наибольший интерес

⁸ Этические 2010.

представляет последняя цифра, и чуть позже я попытаюсь объяснить почему.

Регулярный мониторинг националистических настроений в стране осуществляет Левада-Центр. На сайте Центра помещена сводная таблица причин таких настроений по результатам опросов 2004—2011 гг.⁹ Приведу данные за 2004 и январь 2011 г. Среди отмечаемых россиянами причин национализма лидирует «вызывающее поведение национальностей» (20% в 2004 г. и 37% в 2011 г.). Далее следуют «плохие условия жизни в России» (24 и 25% соответственно). В числе других причин — «национальные предрассудки русских» (3 и 11%), неспособность властей справиться с вспышками национализма (8 и 7%), заинтересованность властей в раздувании националистических настроений (8 и 12%) и теракты последних лет (33% в 2004 г., данные за 2011 г. отсутствуют).

Наиболее примечательным в приведенных данных представляется то, что второе место среди причин национализма заняли, казалось бы, не имеющие к нему прямого отношения «плохие условия жизни в России». Подобно необычайно высокой доле неопределившихся в опросе ВЦИОМ, это наводит на мысль, что национальные чувства россиян, и прежде всего русских, если не целиком, то в весьма значительной степени определяются факторами, которые сплошь и рядом остаются «за скобками» в ходе опросов и на первый взгляд слабо связаны с собственно национальной ментальностью. Человек, который полагает, что националистические настроения порождаются «плохой жизнью», не так уж далек от истины, ибо он связывает «плохую жизнь» не с «нашествием инородцев», а с теми изменениями, которые произошли в стране за последние 20 лет, то есть с крушением порядка вещей, присущего доперестроечному Советскому Союзу. Этот порядок вещей не только обеспечивал ему более или менее сносное существование, но и отвечал его представлениям о роли страны в мире, удовлетворял национальную гордость. Между тем, как показывает история, именно ущемленная национальная гордость и создает почву для развития различного рода националистических фобий.

Косвенным подтверждением высказанного тезиса может служить выявляемое теми же опросами отношение наших сограждан к распаду СССР. То обстоятельство, что, по данным ФОМ, даже сегодня 59% россиян сожалеют о Советском Союзе¹⁰, свидетельствует о том, что его распад означал для них утрату чего-то крайне важного и за ростом националистических настроений стоят отнюдь не только факторы поведенческого и материального плана. Более того, это позволяет утверждать, что русский национализм конца XX — начала XXI в. является в своей основе державно-ностальгическим.

В то же время русский национализм отнюдь не однороден. Учитывая регулярно звучащие сетования на то, что все народы и этносы, живущие в России, имеют свои территориальные образования, а русские — нет, равно как и буквальный смысл лозунга «Россия для

⁹ <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>.

¹⁰ <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1112/d111218>.
Примерно тот же порядок цифр дают и опросы «Левада-Центра» (<http://www.levada.ru/press/2011041103.html>).

русских», можно утверждать, что в нем присутствует весомая доля изоляционизма. Особенно четко это проявляется по отношению к южным районам России и СНГ, откуда, как известно, идет неконтролируемый приток мигрантов.

Однако изоляционистские настроения отнюдь не главное, что скрывается за лозунгом «Россия для русских». Ключевой смысл этого лозунга — стремление сохранить за русскими тот статус титульной нации, который в условиях и дореволюционной, и советской России (вплоть до перестройки) не вызывал сомнений даже у наиболее склонных к национальной автаркии народов и этносов. Это не был статус колонизаторов и «эксплуататоров»; на этот счет уже много сказано и пересказано, хотя и не всегда без преувеличений в ту или другую сторону. Речь идет о культурной и военно-политической гегемонии, подкрепленной широким распространением русского языка и громадными достижениями русской литературы, тесно взаимодействовавшей с литературой других народов и наций.

Именно такого рода «статусный национализм» и определяет ментальность многих из тех, кто поддерживает лозунг «Россия для русских» в «разумных пределах». И именно среди этой части респондентов наиболее распространено умеренное «национальное склонение», которое тоже в немалой степени питается ностальгическими настроениями, но в отличие от национализма экстремистского уповает не на насилие, а на соревнование и «сожительство» различных культур и конфессий.

Проблема, которая делает это «склонение» порой не менее опасным, чем национализм экстремистский, заключается не столько в его действительно массовом характере, сколько в том противодействии, которое оно встречает у многих нерусских этносов, а также в отсутствии четкой грани между ментальностью экстремистской и умеренно-националистической — и той легкостью, с которой последняя может в определенных условиях радикализироваться.

Называть националистами всех, кто поддерживает лозунг «Россия для русских», вряд ли оправданно. Среди них наверняка немало тех, кто болезненно воспринимает резкое ослабление русской культурной доминанты в общем сознании россиян и, высказываясь подобным образом, лишь стремится восстановить и сберечь ее.

Не приходится сомневаться, что отмеченные настроения разделяют и многие из русских, не приемлющих данного лозунга. За всем этим кроется осознание позитивной роли русской культуры, русского языка и русского народа в целом в конструировании той самой гражданской нации, которая призвана стать основой общегосударственной российской идентичности.

Сами по себе ни экстремистский, ни «бытовой» национализм пока не представляют прямой угрозы для целостности страны, и принимаемых сегодня мер на первый взгляд вполне достаточно, чтобы не просто предотвратить его экспансию, но и сократить число активных и пассивных националистов. Линия на развитие и укрепление общерос-

сийской идентичности и определенные успехи в ее осуществлении подтверждают реальность такой перспективы.

Здесь, однако, возникают два больших «но». Об одном из них уже упоминалось — это возможность резкого усиления недовольства тех или иных групп или слоев своим материальным положением, ведь в случае перерастания этого недовольства в радикальные протестные акции они с большой долей вероятности приобретут националистическую окраску и тем самым получат не только социальное, но и политическое измерение.

Другое «но» — это возможность прямого столкновения русского национализма с исламским фундаментализмом и экстремизмом, причем не только в больших и малых российских городах, но и в республиках и других этнонациональных образованиях РФ.

**Традиционный
и «новый»
российский
ислам:
за кем будущее?**

Как следует из сказанного выше, русский национализм носит по преимуществу светский характер. Его религиозная составляющая не столь явно политизирована. Национализм же в нерусских национальных и этнических сообществах имеет под собой преимущественно религиозную основу, а в этой последней, как известно, доминирует ислам. Он не только объединяет большую часть тех 20% нерусского населения, что проживают в России, но и является наиболее активной и политизированной из всех нехристианских конфессий. Несмотря на весьма значительный территориальный разброс российских мусульман, подавляющее их большинство сосредоточено в национальных республиках и других этнонациональных образованиях РФ. И в этом не только коренное отличие России от стран Запада, но и специфика тех вызовов, с которыми она может столкнуться в случае обострения этноконфессиональных отношений.

Поскольку детальное рассмотрение исламского фактора в российской политике не входит в задачи этой статьи, я сосредоточу свое внимание на тенденциях, которые более или менее отчетливо прослеживаются в мусульманских регионах Поволжья, ведь эти тенденции во многом определяют существо и остроту вызовов исламского фундаментализма не только в рассматриваемых регионах, но и, что особенно важно, в России в целом.

Республика Татарстан. Ввиду того что исламский фактор в Татарстане, как и в других регионах, проявляется в более общем социокультурном и политическом контексте, целесообразно сперва остановиться, хотя бы очень коротко, на этом контексте.

Исследования, проводившиеся в Татарстане, наглядно демонстрируют устойчивость национального самосознания татарского народа, стремление местного населения укрепить роль национально-этнического компонента в сферах политики, экономики, культуры. Несмотря на отчетливую тенденцию к сближению между татарской и русской

частью жителей республики, там присутствуют, хотя и не в такой выраженной форме, как в 1990-е годы, и откровенно националистические, сепаратистские тенденции.

Как правило, исследователи делают акцент на остаточном характере «суверенизации», превратившей республику чуть ли не в независимое государство, которая опиралась главным образом на традиционную сельскую культуру и реализовывалась воспитанной в этой культуре элитой¹¹. Вместе с тем некоторые авторы, разделяя это мнение, отмечают противоречивый характер процессов, происходящих в сознании и настроениях и населения в целом, и элитарных групп. Так, констатируя снижение роли элиты, «опиравшейся на почву», сотрудница Института истории АН РТ этнограф Лилия Сагитова в своей исключительно содержательной аналитической статье пишет о «болезненных переживаниях» многих из тех, для кого культура Татарстана была родной, а ее язык — «материком». Согласно ее заключению, наряду с «комплемментарностью гражданской и этнической идентичностей» сохраняется и «конфронтационность», и недовольство происходящими изменениями способно дать толчок к объединению людей по этническому принципу¹².

¹¹ См., напр. Салагаев и др. 2009; Гордеев 2010.

¹² Сагитова б.г.

Пожалуй, наиболее подробно, глубоко и, главное, со знанием дела непростую ситуацию в мусульманском сообществе республики обрисовал в своем интервью от 8 февраля 2011 г. исполняющий обязанности муфтия Татарстана Илдус Файзов¹³ (вскоре ставший муфтием уже без приставки и.о.). «Отрицать проникновение религиозного фундаментализма в Татарстан сегодня уже нельзя», — констатировал он. Начало этого проникновения Файзов относит к 90-м годам прошлого столетия, когда в результате роста религиозной активности татар выявился дефицит собственных религиозных кадров. Именно тогда в республике появилась масса иностранных миссионеров, главной аудиторией которых стала татарская молодежь. На финансирование подобной деятельности не жалели средств зарубежные фонды. Деятельность эта, шедшая вразрез с традиционным для мусульман Урало-Поволжья духом согласия и мирного сожительства с другими конфессиями, привела к распространению чуждых мусульманам региона фундаменталистских идей. В 1993 г. в Набережных Челнах был создан первый мусульманский лагерь, призванный распространять эти идеи. Чуть позже, в 1995—1996 гг., наблюдался «бум выезда татарской молодежи на обучение в исламские страны Востока»¹⁴, откуда многие из них возвращались «убежденными фундаменталистами». Чтобы не допустить беспрепятственного распространения заимствованных за рубежом норм поведения, в 1998 г. тогдашнее руководство мусульманской общины Татарстана провело объединительный съезд, на котором было создано единое Духовное управление мусульман (ДУМ). Эти объединительные усилия натолкнулись, однако, на неприятие возвращавшихся из зарубежья молодых людей. Начали возникать радикальные секты (салафиты). И хотя взять верх им не удалось, вследствие неумения ДУМ наладить работу

¹³ См. <http://pan.ru/corr.php3?sr=34&th=0&bid=32391&id=32010>.

¹⁴ В начале 2011 г., по словам Файзова, в Саудовской Аравии обучались 120 татар.

с молодежью и интеллигенцией исламский фундаментализм продолжал набирать силу. Появились даже вооруженные банды боевиков, которые, правда, были вовремя ликвидированы.

Хотя по натуре татары — мягкие, добродушные люди, их «можно раскатать», и тогда ситуация будет похуже северокавказской, отмечает Файзов. И это не просто слова. Поволжье — это «выгодный с геополитической точки зрения регион, и сейчас в нем пытаются разжечь костер экстремизма». Заезжие гастролеры, как правило, очень опытные ораторы. Прихожане же «кочуют по мечетям, оседая в тех из них, где проповедник получше». Чтобы не допустить такого развития событий, по мнению Файзова, прежде всего необходимо изменить положение дел в религиозном образовании, которое сегодня во многом строится не на традициях, а на трудах салафистских шейхов.

Экстремистские настроения существуют, однако, не только среди молодежи. В начале февраля 2011 г. большой резонанс получило заявление председателя Милли Меджлиса татарского народа 60-летней Фаузии Байрамовой, находившейся тогда под домашним арестом, которая обвинила местные власти в стремлении превратить татар в русских, чтобы они никогда не мечтали «об обретении государственной независимости». Ее обращение к татарскому народу, в котором содержался призыв брать пример с египтян, транслировалось по татарскому радио «Азатлык» («Свобода») ¹⁵.

Судя по всему, муфтияту и властям Татарстана удалось пресечь экстремистские вылазки типа только что упомянутой, и сторонники исламского фундаментализма ушли в тень. Однако вряд ли они сложили оружие. На состоявшемся в начале марта этого года совместном заседании Общественной палаты Ассамблеи народов Татарстана и Общественного совета МВД республики некоторые из участников говорили, что «Татарстан находится на пороге больших неприятностей, поскольку в республике существует целое поколение, готовое вести экстремистскую деятельность». Утверждалось также, что в республику вернулось несколько человек, имеющих опыт боевых действий на территории Пакистана и Афганистана, а также об активизации салафитов ¹⁶.

Правда, комментируя эту информацию, ряд наблюдателей, не опровергая ее подлинности, заявлял, что власти искусственно нагнетают страсти для решения собственных политических задач и что со всеми проявлениями исламского экстремизма в республике они «легко справятся» ¹⁷.

Скорее всего, так оно и было; во всяком случае, на проходившем в апреле 2011 г. Внеочередном съезде мусульман республики муфтием Татарстана был избран Файзов, за которого проголосовали 504 делегата из 566 ¹⁸. Организаторы выборов постарались, чтобы в число кандидатов не попали исламские экстремисты. Несмотря на довольно острую предвыборную борьбу, выборы прошли спокойно, и их исходом, похоже, довольны и республиканские власти, и обновленное руководство татарских мусульман. Избранный подавляющим числом голосов Файзов бу-

¹⁵ В декабре 2008 г. Милли Меджлис татарского народа объявил о создании татарского правительства в изгнании во главе с находящимся сейчас в США Вилом Мирзаяновым, а также обратился к ООН и главам всех государств с призывом признать суверенитет Татарстана. Именно за такого рода инициативы и выступления Байрамова получила в 2009 г. год тюрьмы условно (*Независимая газета*, 4.02.2011).

¹⁶ *НГ-религии*, 3.03.2011.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, 14.04.2011.

дет возглавлять Духовное управление мусульман Татарстана (ДУМТ) — главное учреждение, ведающее делами мусульманской общины республики. Вместе с тем не вошедший в число кандидатов имам казанской мечети «Нурулла» Габдулла Галиуллин, известный своими экстремистскими взглядами, после оглашения результатов выборов объявил, что не согласен с ними и теперь «перейдет к решительным мерам», не исключив создания альтернативного ДУМТ. За несколько дней до съезда общее собрание прихожан его мечети приняло решение о выходе из под юрисдикции ДУМТ¹⁹.

¹⁹ Там же.

Трудно сказать, как будет развиваться ситуация в дальнейшем, но то, что в мусульманской общине Татарстана присутствует заметный элемент фундаментализма как на «низовом», так и на более высоких уровнях, отрицать не приходится.

Дает о себе знать и «светский» татарский национализм. Так, преподаватели русского языка в республике все чаще жалуются на то, что в школьных программах упор делается на изучение татарского языка, а на русский остается все меньше времени. Чтобы восстановить равновесие, Общество русской культуры республики решило обратиться к общественности и объявило сбор подписей под соответствующей петицией, намереваясь вручить ее затем Дмитрию Медведеву²⁰. Проводятся и прямые протестные акции, которые, однако, не встречают поддержки и понимания у татарских деятелей, задающих тон в представительных органах республики.

²⁰ <http://www.regnum.ru/news/polit/1393502.html>.

В сфере экономики тоже не все просто, и налицо тенденция к ее «татаризации». Как подчеркивают некоторые эксперты, местные бизнес-элиты усиливают свою независимость от Москвы, чему способствует, в частности, фактическая независимость Татарстана от российской экспортной «трубы»²¹. Сходную позицию занимают и республиканские власти.

²¹ http://expert.ru/expert/2010/43/podvig_tatnefi/.

NB! Стремясь не выпустить из собственных рук руководство ключевыми отраслями промышленности Татарстана, президент республики Рустам Минниханов заявил о своем несогласии с решением президента России о выходе чиновников из советов директоров государственных компаний. На пресс-конференции после годового собрания акционеров ОАО «Казаньоргсинтез» он заявил: «Моя позиция — сохранить представительство чиновников в крупных республиканских компаниях. Такое решение поможет принимать оперативные решения и реализовать модернизацию...»²².

²² <http://regnum.ru/news/polit/1397903.html>.

Разумеется, о какой-либо экономической или иной автаркии республики речи не идет, и, безусловно, правы те аналитики, которые считают, что «независимая конституция Татарстана ушла в небытие»²³.

²³ Независимая газета. 30.08.2010.

Для оценки общей ситуации в сфере национальных отношений в республике немалый интерес представляют первые результаты исследования Института истории АН РТ по проекту «Многообразие в инте-

грации». Опубликованные авторами проекта данные свидетельствуют о том, что, несмотря на повышение роли религиозной обрядности и религии как таковой, с начала 2000-х годов в республике происходит укрепление общероссийской идентичности. Согласно опросам, за последние 10 лет доля этнических татар, ощущающих себя и татарами, и россиянами, выросла с 35 до 62%, в то время как доля считающих себя «чисто татарами» снизилась с 36 до 29%. Сочетание общероссийской и республиканской идентичности характерно и для 60% русского населения. Иначе говоря, 2/3 населения республики — это не просто татары и русские, но одновременно и «россияне»²⁴.

²⁴ Многообразие
б.з.

Можно предположить, что если указанный тренд к сближению на базе формирования российской нации будет развиваться такими же темпами, что и раньше, проблема национализма и исламского фундаментализма в республике уйдет в прошлое или, по крайней мере, утратит свою остроту. Вместе с тем гораздо более вероятной выглядит перспектива длительного сохранения национализма как в сознании, так и в поведении граждан республики. К такому умозаключению побуждает целый ряд объективных и субъективных обстоятельств, однако о них целесообразнее поговорить чуть позже, поскольку они носят отнюдь не только и даже не столько локальный характер.

Проблемы исламского фундаментализма и «мягкого» светского национализма не обошли стороной и соседнюю с Татарстаном *Республику Башкортостан*. Несмотря на то что подобные проблемы здесь не так бросаются в глаза, они, тем не менее, присутствуют, и порой достаточно зримо. Как заявил на заседании Госсовета России 27 декабря 2010 г. глава республики Рустэм Хамитов, при том что, согласно опросам, «озабоченных состоянием межнациональных отношений в Башкортостане» не более 1,5%, ему приходится тратить на их урегулирование не менее 30% своего рабочего времени²⁵. Примечательно, что по его инициативе следующее заседание Президиума Госсовета, посвященное тем же проблемам, было проведено именно в Уфе.

²⁵ Стенографический отчет 2010.

Положение в Башкортостане осложняется тем, что хотя доля башкир в республике не превышает 30%, в конфессиональном отношении они фактически выступают вместе с татарской общиной. В совокупности эти общины охватывают около 60% населения (против 36% русских, а также небольшого количества чувашей и др.).

Еще больше разница в соотношении религиозных организаций, 67% которых являются мусульманскими. Из порядка 1160 культовых сооружений в республике 900 составляют мечети, в то время как число православных храмов не достигает и 200²⁶.

²⁶ http://www.dumrb.ru/?part_id=44&news_id=305.

Конечно, сами по себе эти цифры никак не характеризуют положение дел в сфере межнациональных отношений, однако они свидетельствуют о большой «разнице потенциалов», которая в случае осложнения ситуации обязательно даст о себе знать. Да и сегодня не все в этой сфере складывается наилучшим образом. Особенно беспокоят

и власть, и общественность проявления экстремизма, в том числе попытки организации террористических акций. В конце 2010 г. по подозрению в подготовке теракта в республике была задержана группа местных жителей, среди которых оказался и лидер так называемого «Октябрьского джамаата», являющегося ответвлением (филиалом) террористической исламистской организации «Имарат Кавказ», призывающей к «войне с неверными». При обыске помимо оружия у задержанных были обнаружены фотографии мест большого скопления людей²⁷. Регулярно появляются и сообщения о задержании в Башкортостане членов запрещенной в России международной экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами»²⁸.

²⁷ <http://news.rambler.ru/8949246>.

²⁸ <http://www.kommersant.ru/doc/1777288>.

Что касается «светского национализма», то в последнее время в Башкортостане начала обостряться проблема русского языка, который в ряде случаев преподается как «неродной», что не может не отражаться ни на количестве учебных часов, ни на качестве обучения. В апреле этого года в Уфе прошел митинг солидарности с учителями Татарстана, где, как уже говорилось, возникли аналогичные проблемы. На митинге звучали, в частности, требования обеспечить школьникам республики возможность изучать русский язык по полной программе²⁹.

²⁹ <http://www.regnum.ru/news/polit/1395830.html>.

Наряду с такого рода «частными» случаями дает о себе знать и неудовлетворенность части башкирского населения нынешним политическим статусом республики. Судя по сообщениям прессы, в среде политически активных башкир обсуждается возможность совершенствования федеративного устройства в РФ, в том числе с учетом опыта Великобритании, пошедшей на расширение прав парламента Шотландии и ассамблеи Уэльса. В ходе таких обсуждений ставится, в частности, вопрос: почему в царской России существовали Царство Польское и Великое княжество Финляндское, имевшие отличный от других территорий статус, а в современной «демократической России» ничего подобного нет?

Как видим, исламский фундаментализм и «мягкий» светский национализм здесь, как и в Татарстане, довольно сильно разведены. Но это ни в коей мере не облегчает задачи более тесной интеграции башкирской нации и Башкортостана в целом в общероссийской социум.

Сбои в межнациональных отношениях проявляются и в **Республике Чувашия**. Правда, в данном случае речь идет не столько об исламском факторе (мусульманская община республики, судя по всему, полностью доверяет своему руководству, придерживающемуся традиционных ценностей российских мусульман), сколько о культурно-политических аспектах этих отношений. Довольно показателен в этом плане инцидент, произошедший весной этого года, когда на одном из заседаний Госсовета лидер Чувашского национального конгресса Геннадий Архипов произнес свою речь на чувашском языке. В ответ на нарекания в зале в связи с отсутствием перевода на русский язык спикер

Госсовета заявил: «В республике основной язык чувашский, а потом уже русский идет», парировав пожелание одного из участников заседания о синхронном переводе словами: «Основные понятия языка надо бы знать, коли живешь в республике». И это при том, что, согласно конституции, в Чувашии два равных по статусу государственных языка — чувашский и русский³⁰.

³⁰ <http://www.regnum.ru/news/polit/1399864.html>.

Самое удивительное заключается в том, что ни депутаты, ни другие должностные лица никак не отреагировали на этот инцидент. Заявление спикера осудили только оппозиционные политики, причем руководитель правозащитной организации «Щит и меч» Алексей Глухов обратился в УФСБ Чувашии с просьбой проверить его на предмет экстремизма и возбуждения вражды и ненависти по признакам пола, расы, национальности, языка и т.д.

Комментируя произошедшее, агентство «РЕГНУМ» отметило, что с приходом на пост президента Михаила Игнатьева в республике участились проявления национализма. Одним из таких проявления стало распространение в апреле 2011 г. в Чебоксарах листовок со словами «Русские, назад в стойло»³¹.

³¹ Там же.

Подобным выходкам, возможно, и не стоило бы придавать большого значения, однако на фоне недружественного отношения к русскому языку и русской культуре они высвечивают далеко не частную проблему.

Из сказанного выше однозначно следует, что звучащие порой заявления о том, что межнациональные и межконфессиональные отношения в России все больше встраиваются в существующий правовой порядок, а сам этот порядок становится более рациональным и совершенным, пока не имеют под собой достаточных оснований.

В качестве свидетельства постепенной нормализации этноконфессиональной ситуации в стране часто ссылаются на снижение авторитета радикальных исламистов, в частности председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, известного своими провокационными русофобскими заявлениями и поощрением действий, вызывающих возмущение москвичей и жителей других крупных городов (публичные жертвоприношения и т.п.). Так, по словам зам. председателя экспертного совета при Министерстве юстиции Романа Силантьева, баланс сил в Духовном управлении мусульман стремительно меняется, и возглавляемый Гайнутдином Союз муфтиев теряет свое влияние как в центре, так и в регионах. «Если Гайнутдин и его сторонники перейдут к прямой оппозиции властям, — утверждает Силантьев, — деградация их влияния лишь ускорится»³².

³² *НГ-религии*. 20.04.2011.

Подобного рода оптимизм, однако, не слишком согласуется с той сложной, противоречивой ситуацией, которая сложилась в стране (особенно учитывая «кавказский» фактор и его влияние в целом ряде крупных городов РФ). Расходится он и с оценками, которые время от времени дает отнюдь не склонный преувеличивать стоящие перед Россией

проблемы президент Медведев. Согласно приводимым им данным, количество экстремистских выступлений в 2010 г. выросло на 20%, причем кадровым и мобилизационным резервом всевозможных националистических и радикальных группировок, которые становятся все более изощренными в своей тактике, является молодежь³³.

³³ Независимая газета. 24.05.2011.

NB! На серьезность националистической угрозы указывает и недавно опубликованный доклад Института социологии РАН и Фонда Эберта, посвященный социально-политической ситуации в РФ. Зафиксировав усиление в российском обществе агрессивных настроений, авторы доклада обращают внимание на «нарастание в России националистических идей», особенно в молодежной среде. Согласно их заключению, вероятность конфликтов на национальной почве в стране сегодня очень высока³⁴.

³⁴ Там же. 23.06.2011.

В чем корень проблем и решаемы ли они?

Существо возникающих в России рисков во многом и даже в основном обусловлено спецификой русского и не(анти)русского национализма и, соответственно, теми «особыми отношениями», которые эта специфика порождает.

Что касается русского национализма, то повторю лишь сделанный выше вывод о его «статусной» подоснове, которая не только вызывает к жизни стремление сохранить лучшие черты русской нации, воссоздать утраченное или утрачиваемое культурное поле, но и побуждает известную часть русской общественности мечтать о возрождении державности и политического доминирования.

Чуть подробнее остановлюсь на природе национализма не(анти)-русского.

Национализм этот является данностью столь же объективной, как и национализм русский. Его истоки в развернувшейся с конца 1980-х — начала 1990-х годов «суверенизации» национальных республик, которая отнюдь не носила случайный или временный характер и была связана, помимо прочего, с желанием избавиться от «неравновесности», обусловленной положением в империи, каковой фактически был Советский Союз.

Волна суверенизаций, как известно, постепенно спала, но ключевое противоречие, стимулировавшее рост русского и не(анти)русского национализма, осталось, и именно оно и определяет специфику межнациональных отношений в России.

Возникновение у нерусских народов подспудного или выраженного стремления тем или иным способом повысить свой национальный статус — вещь столь же неизбежная, сколь и закономерная. Однако сплошь и рядом путь к решению этой задачи видится не в позитивном развитии собственной нации, а в принижении и даже притеснении русских. В свою очередь, это обостряет ностальгию русского населения по

утраченным позициям «старшего по цеху» и усиливает его восприимчивость к лозунгам типа «Россия для русских».

Разрешить данное противоречие с ходу через принятие тех или иных «мер» невозможно в силу его объективного характера. Его можно только постепенно ослабить, сделать менее взрывоопасным.

Одна из причин этого — многообразие этноконфессиональных отношений в России, их более сложный и противоречивый, нежели во многих других странах мира, характер.

Особенностью российской ситуации является потенциально опасная связь между положением дел в сфере этноконфессиональных отношений внутри русских городов, с одной стороны, и внутри национальных республик, с другой. Конфликты между местными жителями и представителями этноконфессиональных диаспор, число и вес которых в крупных городах постоянно растут, могут отозваться обострением отношений между этноконфессиональными общинами в республиках, и наоборот.

Отсюда — большая озабоченность и власти, и общественности состоянием этноконфессиональных отношений и все более настойчивый поиск путей их нормализации и позитивного развития. И хотя работа в этом направлении только началась, уже просматриваются два наиболее вероятных варианта политики в рассматриваемой сфере.

Первый из них, на сегодняшний день наиболее очевидный, я бы назвал *модернизированным авторитаризмом*. В отличие от вертикали «нулевых», ему присуща значимая социально-экономическая составляющая, призванная обеспечить более равновесные отношения между обществом, бизнесом и властью. Цель такой переориентации — не просто выработать, но и реализовать современную промышленную политику, основанную на принципах государственно-частного партнерства, которая бы способствовала снижению социального неравенства. Идея Общероссийского народного фронта имеет под собой и такую подоплеку.

В сфере же идеологической, которая должна определить суть общественных отношений, в том числе межнациональных, упор делается на обновленную российскую державность и патриотизм.

В рамках этого общего дизайна предполагается воссоздать близкие к традиционным формы межнациональных и межконфессиональных отношений. Одновременно ведется подготовка к более жесткому подавлению экстремизма как русских, так и не(анти)русских националистов.

Чтобы положить конец становящейся все более опасной экспансии русского национализма, идет поиск способов введения его в управляемое русло — либо через соответствующую корректировку программных и политических установок «партии власти» и «системной оппозиции», либо с помощью создания влиятельной умеренно-националистической партии или объединения типа «Конгресса русских общин».

В случае реализации подобного сценария, возможно, будет сделана попытка уравновесить управляемый русский национализм более значимой культурно-национальной автономией. Однако иметь политическое содержание ей, скорее всего, не будет позволено.

Все это означает, что при данном сценарии основное противоречие в сфере этноконфессиональных отношений, о котором шла речь выше, не только сохранится, но и, по всей видимости, начнет обостряться. Нерусский национализм, лишенный легальных способов существования, уйдет в подполье, что может повлечь за собой стирание граней между «цивилизованным» и радикальным национализмом, а также еще большее сращивание «городского» национализма с республиканским. К каким последствиям все это может привести, нетрудно себе представить.

Второй вариант политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений можно определить как *либерально-демократический*. Его сторонники, как и приверженцы только что описанной стратегии, исходят из того, что прогрессу в данной сфере будут способствовать инновационное развитие и модернизация. Вместе с тем, в отличие от последних, они считают, что модернизация должна иметь не только социально-экономическое, но и политическое измерение.

Однако даже в такого рода модернизационном контексте концепция поликультурного общества в России, как и соответствующая ей практика, не может не отличаться, и весьма существенно, от мультикультурализма, принятого в свое время на вооружение странами Запада. Сугубо «внутригородской» характер межэтнических и межконфессиональных отношений в этих странах значительно упрощает решение возникающих проблем, хотя, как известно, проблем этих и там не так уж мало. И то, что лидеры ряда западных стран заговорили о кризисе мультикультурализма, ни в коей мере не случайно.

Главной особенностью межэтнических и межконфессиональных отношений в России, как уже говорилось, является связь между «городскими» и «республиканскими» этноконфессиональными сообществами, взаимообусловленность их установок и поведения. Связь эта не всегда прямо пропорциональная, но то, что она существует, делает задачу установления той или иной формы мультикультурализма гораздо более сложной, чем в упомянутых выше странах. Мультикультурность на городском уровне невозможна при сохранении межэтнической и межконфессиональной напряженности внутри национально-этнических образований, а нормализация этноконфессиональной ситуации внутри национально-этнических образований — при сохранении напряженных отношений между местным населением и диаспорами на уровне городов.

Реальность, однако, такова, что если сторонники подобной модели и предлагают те или иные пути воплощения ее в жизнь, то ограничиваются, как правило, лишь «городским» уровнем. Подобная односторонность не только делает такой вариант этноконфессиональной

политики практически нереализуемым, но и, что не менее важно, не позволяет организовать конструктивный диалог с приверженцами сценария, о котором шла речь выше.

Между тем, по моему глубокому убеждению, только в рамках такого диалога и может быть разработана действенная, учитывающая существующие политические реалии концепция развития межэтнических и межконфессиональных отношений в России и определены конкретные шаги, способные минимизировать риски и угрозы, которыми чревато нынешнее положение дел в этой сфере.

Библиография

Гордеев Я. 2010. Независимая конституция Татарстана ушла в небытие // *Независимая газета*. 30.08.

Многообразие в интеграции: динамика соотношения и развития этнокультурных, региональных и общероссийской идентичностей (<http://www.tataroved.ru/mnogoobr/>).

Сагитова Л.В. *Региональная идентичность: социальный детерминизм и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан)* (<http://www.ethnonet.ru/lib/1003-01.html>).

Садовская Ю. 2011. Этнополитический маневр // *Независимая газета*. 11.05.

Салагаев Л.А. и др. 2009. *Социокультурный портрет Республики Татарстан*. — Казань.

Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по межнациональным отношениям. 2010 (<http://президент.рф/transcripts/9913>).

Федоров В. 2010. *Особенности национальной ксенофобии* (<http://www.mk.ru/social/article/2010/05/24/495667-osobennosti-natsionalnoy-ksenofobii.html>)

Этнические симпатии и антипатии россиян. 2010 (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>).